

УДК 274/278(470.5) + 2-64

А. Н. Андреев

ЕВАНГЕЛИЧЕСКО-ЛЮТЕРАНСКАЯ ОБЩИНА ЕКАТЕРИНБУРГА В XVIII в. И ЕЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ С МЕСТНЫМ НАСЕЛЕНИЕМ

Рассматриваются процессы становления евангелическо-лютеранской общины Екатеринбурга и формирования ее взаимоотношений с местным населением в XVIII в. Комплексно анализируются принципы управления протестантской общиной Екатеринбурга, прослеживаются изменения в составе клира и паствы, освещаются различные аспекты внутриобщинной и социальной деятельности протестантов, устанавливаются принципы взаимодействия протестантов и русского населения.

Ключевые слова: лютеранская община, межконфессиональные связи, управление горно-заводской промышленностью.

Вопросы жизнедеятельности екатеринбургской лютеранской общины в XVIII столетии вплоть до настоящего времени не становились предметом специального изучения. Дореволюционные исследователи истории протестантизма в России лишь упоминали о существовании евангелических общин на Урале и в Сибири, в основном сосредотачиваясь на рассмотрении внутриобщинной и социальной деятельности столичных приходов [см.: Hupel, 320; Busch, 249; Die evangelische-lutherischen Gemeinden ... , 89]. В советский период конфессиональная проблематика и связанные с ней вопросы духовной культуры оказались вообще вытесненными на периферию исторического знания, в результате чего изучение истории западно-христианских вероисповеданий в России почти полностью прекратилось [см.: Андреев, 2007, 4–23]. Лишь в последнее время в некоторых краеведческих работах начали появляться отрывочные сведения о пасторах Екатеринбурга и их прихожанах [см.: Крест Екатерины ... ; Корепанов, 2005, 29, 113, 193]. Отсутствие специальных исследований по указанной проблеме тем более парадоксально, что ученые давно признали факт значительного вклада протестантов в экономическое и культурное развитие Екатеринбурга и всего Уральского региона. Несмотря на это, упоминаний о екатеринбургских протестантах нет и в энциклопедических изданиях, хотя, например, в предисловии к одному из них весьма символично подчеркивается, что данная энциклопедия представляет «свод современных научных знаний о Екатеринбурге» [Екатеринбург].

Между тем многие аспекты истории взаимоотношений уральских протестантов с органами государственной власти и местными жителями выходят далеко за рамки краеведческой проблематики. Их рассмотрение позволяет выявить принципы имперской иноверческой политики, дает возможность определить характер духовных и социальных связей протестантов с православным большинством русского общества в условиях его вестернизации.

С момента своего основания Екатеринбург превратился в центр тяжелой индустрии, сосредоточивший на предприятиях и в горной администрации

множество иностранных специалистов. Город был рожден в новых политических условиях и в своем облике нес отпечаток европоцентристской идеологии, что в какой-то мере роднит его с другим «детищем эпохи» — Петербургом. Не без оснований знаменитый французский ученый Ж. Шапп д'Отрош, побывавший в Екатеринбурге в 1761 г., писал о том, что нравы и обычаи горожан часто шли вразрез с русскими традициями и имели «больше общих черт с европейскими» [приводится по: Злоказов, Семенов, 46, 49]. Однако если вклад иноверцев в социальное и культурное развитие северной столицы в XVIII столетии изучен с достаточной полнотой [см., например: Алакшин, 250—381], то проблема участия европейцев-протестантов в формировании социокультурного пространства провинциального города, задуманного по европейским стандартам, еще ждет своего исследователя.

Лютеранская община действовала в Екатеринбурге с самого основания завода и города-крепости, т. е. с 1723 г. Есть сведения, что ядро общины составили бывшие шведские военнопленные [см.: Busch, 249]. По условиям Ништадтского мира шведские пленные (равно как и российские) освобождались без выкупа и подлежали репатриации, однако в свое отечество сумели возвратиться не более 600 шведов из двух с половиной тысяч [см.: Грот, 128—129]. Многие пленные вступили в русскую военную службу и были подвержены ресоциализации и культурной ассимиляции, принимая православие. Вероятно, часть бывших пленных, сохранивших национальное вероисповедание, и стала основой екатеринбургской евангелической общины. Кроме шведов первое иноземное население города включало в себя саксонских и вообще немецких горных мастеров, контрактанных В. де Геннином. Еще в сентябре 1722 г. на Исеть прибыли: мастер медеплавильного дела Вильгельм-Фридрих Штифт, ганноверцы-механики Кейзеры, саксонские мастера Иоганн Ваплер, Томас Миллер, Готфрид Юнк-Генель, Вольф Мартин Циммерман, голландец Берент Куперц и другие специалисты протестантского вероисповедания [см.: Геннин, 79—80; Кортина, Наймушин, Черноухов, 89—90].

Принципиальное значение имеет тот факт, что потребность в пасторе для специалистов-лютеран была осознана горным начальством еще до завершения строительства Исетского завода, т. е. до официального рождения города. При деятельном участии берг-рата Иоганна Мартина Михаэлиса, направленного Берг-коллегией на Урал в помощь В. Н. Татищеву и И. Ф. Блиэру, еще в 1722 г. Татищев просил коллегию прислать «теолога Лютерова исповедания» [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 10, л. 120—122]. Михаэлис, сыгравший большую роль в контрактации немецких горнорабочих, возможно, был родственником архангельского пастора доктора Михаэлиса, финансировавшего создание пиетистской школы в Тобольске [см.: Грот, 129]. Так или иначе, горная администрация изначально предполагала организовать в новом городе лютеранский приход.

«Теолог Лютерова вероисповедания» был прислан — по свидетельству шведского пленного офицера Ф.-И. Страленберга, посетившего Екатеринбург предположительно в 1723 г., немецкие мастера уже имели «собственную церковь и немецкого священника», который обучал детей «чтению, счету и языку» [Зиннер, 127; Злоказов, Семенов, 19]. Скорее всего, речь шла о молитвенном доме,

а не о кирке, поскольку первые упоминания о лютеранской кирке в официальных документах относятся только к концу 1760-х гг. [см.: ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 2070, л. 300 об.].

Первым известным по имени лютеранским пастором Екатеринбургa являе-тся Георг Фридрих Вайсе (Вейзе), нанятый в 1733 г. де Генниным на соб-ственные средства. В делах горного правления отмечается, что некогда Вайсе служил петербургским пастором и был приглашен на Урал в качестве духов-ника де Геннина и одновременно главы местного прихода, включавшего не только Екатеринбург и близлежащие заводы, но и Пермь [см.: Там же, д. 502, л. 180; д. 1388, л. 80]. После отъезда де Геннина с Урала Вайсе был взят на казенное содержание и окормлял приход до 1735 г., когда Российской академи-ей наук был контрактван пастор Лаврентий Зехтинг (Laurentius Soechting, в русских источниках — Сехтинг или Сехтин). Обстоятельства заключения кон-тракта с Зехтингом и дальнейшие с ним взаимоотношения демонстрируют живейшую заинтересованность горных властей в создании иностранным спе-циалистам благоприятных условий для отправления их культа и готовность материально обеспечивать пастора. Так, в 1742 г., увольняя Зехтинга с долж-ности субректора екатеринбургских латинской и немецкой школ, канцелярия Главного правления Сибирских и Казанских заводов доносила в Берг-колле-гию, «что в нем (Сехтинге. — А. А.) здесь при науке немецкой нужд не видно, и хотя надлежало б ево отрешить, но понеже он сюда выписан не для того одного, чтоб детей обучать, но и за пастора протестантом, и когда от школы отрешить, поставить на коште находящихся в российской службе протестан-тского исповедания иноземцов, то может оное им быть обидно, что на свое жалованье ево содержать будут, ибо им без пастора обойтись нельзя» [Там же, д. 1035, л. 317—317 об.; о том же см.: д. 916, л. 20—20 об.]. Отметим, что официально выплачиваемое Берг-коллегией пасторам жалованье стало важ-нейшим отличительным признаком в устройстве лютеранских общин горно-заводской зоны (в частности, Екатеринбургa) — обычно протестантские свя-щеннослужители в Западной Европе и России получали жалованье от своих прихожан [см.: Алакшин, 228—229]. Таким образом, принципы оплаты труда пасторов в России не были едиными, на что исследователи ни разу не обра-щали внимания.

Лаврентий Зехтинг был уроженцем прусского города Марбурга, в Екате-ринбурге жил и работал с октября 1735 г. по 1767 г., отправляя богослужение не только в городе, но и на многих заводах и рудниках Урала, а также за пределами региона. Долгое время Зехтинг оставался единственным пастором восточнее Казани, поэтому он окормлял лютеран в городах и войсковых частях Заволжья и Сибири [см.: Корепанов, 2005, 90—91]. Пастор был нанят на две должности сразу — он должен был «печься о душах пасомых» и одновременно преподавать в латинской и немецкой школах иностранные языки и другие предметы, занимая место субректора. Оплата его труда (пасторского и учи-тельского) заключалась в субректорском окладе, составлявшем 250 рублей в год (именно по этой причине, когда в 1742 г. предполагалось закрытие немецкой школы, возникла дилемма: содержать ли пастора на казенный счет или на

«коште» иноземцев?) [см.: ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 2321, л. 56 об., 166]. Для сравнения отметим, что жалование петербургских лютеранских и реформатских пасторов в XVIII в., получаемое от общин, варьировались от 130 до 200 рублей в год [см.: Алакшин, 229]. Размеры оклада екатеринбургского пастора и условия его найма дают нам ясное представление о том, в какой мере горная администрация дорожила иностранными специалистами. Согласно контракту и определению заводской канцелярии от 10 ноября 1735 г., Зехтингу было положено «для жития отвести квартиру, по шести сажень дров в год да свеч по два пуда давать от заводской конторы» [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 1035, л. 313–314]. Контракт с Зехтингом был бессрочным, о чем в указе Берг-коллегии по вопросу о его продлении было сказано: «У одного пастора контракт в Академии наук заключен в такой силе, чтоб ему быть здесь при обучении детей латинскому языку, тако ж у иноземцов протестантов вместо пастора, сколько лет он сам пожелает» [Там же, д. 916, л. 20, 74 об.]. В дальнейшем, по распоряжению сибирского обербергамта, Зехтинг исправлял и должность библиотекаря при казенной библиотеке горного начальства [см.: Сафронова, 297]. Дом пастора, располагавшийся в «командирской линии напротив церкви св. Екатерины», сгорел в пожаре 11 октября 1742 г. [см.: Корепанов, 2005, 56].

Зехтинг пользовался безусловным авторитетом среди единоверцев — он выступал не только учителем и пастырем, но и душеприказчиком своих прихожан, хранителем их имущества, кредитором [см.: ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 691, л. 365–366 об., 390]. Многим пастор оказывал помощь и призрение. Так, после смерти учителя немецкой школы И. Гейнша малолетние сын и шурина последнего были взяты Зехтингом «в прокормление» [см.: Там же, л. 390; д. 937, л. 5–5 об.]. Пастор сумел дать приют и материально помочь дочери саксонского лудильного мастера Анне-Доротее (до этого, кстати, принявшей православие) [см.: Корепанов, 2005, 96–97].

После Зехтинга пасторские обязанности в Екатеринбурге и Перми выполнял Иоганн Карл Вильгельм Габриель, выписанный по требованию Берг-коллегии в 1769 г. (в промежутке между отъездом Зехтинга и назначением Габриеля община священника не имела) [см.: ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 2070, л. 300]. Примерно с этого времени (с конца 1760-х гг.) у екатеринбургских лютеран началось становление института патронатства, а лютеранский «Божий дом» приобрел статус кирки. В некоторых источниках екатеринбургская лютеранская церковь упоминается в качестве церкви, действовавшей уже в 1720–1730-е гг. Например, в «Так называемых Московитских письмах» А. Д. Кантемира и Х. Ф. Гросса, вышедших в свет в 1738 г. во Франкфурте, сообщалось, что у лютеран «по одной церкви есть в Великом Новгороде, Тобольске и Екатеринбурге» [Россия и Запад ... , 261]. Однако в официальных делопроизводственных документах горного правления понятие «кирка» появляется намного позже (долгое время в качестве субъекта правоотношений в них фигурировал лишь пастор с общиной), что дает основание предполагать наличие у екатеринбургских протестантов до 1760-х гг. только молельного дома. Первым патроном общины и главой «учрежденного собрания» лютеран стал генерал-майор и кавалер Я. И. фон Данненберг (ум. в 1774 г.), благодаря которому общине и

было выделено помещение под кирку [см. об этом: ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 2070, л. 300; Корепанов, 2005, 113]. Появление патрона и кирки однозначно свидетельствует о повышении уровня организации церковной жизни местных протестантов. К сожалению, сведения о наименовании кирки и ее месторасположении нами не обнаружены.

Социальный состав членов екатеринбургской общины был довольно пестрым. Наряду с горными чиновниками разного уровня и заводскими мастерами в общину входили военные, представители интеллигенции и даже предприниматели¹. Национальная принадлежность местных лютеран также была неоднородной: община состояла из немцев (саксонцев, голштинцев, ганноверцев, бранденбургцев), шведов, голландцев и датчан.

Вместе с тем число екатеринбургских протестантов в исследуемый период было относительно невелико. В конце 1747 г., в связи с появлением указа Елизаветы Петровны от 20 ноября, потребовавшим от всех контрактеров «быть вечно в службе ея императорского величества», была составлена «роспись» иностранцев, состоявших в ведомстве Сибирских и Казанских заводов. В ней поименно перечислены 46 немецких специалистов при разных заводах — Екатеринбургском (Ф. Крюгер, Р. Мана, И. Г. Глесе, Ф. Горн, В. Рита, С. Качка, И.-К. Ион, И. Отте и др.), Алапаевском (И. Г. Албрехт, И. Кестлер, А. Рибен и др.), Каменском (И.-Г. Гебер), заводе Цесаревны Анны (Г. Эгер, Х.-Ф. Мартын), Пермском горном начальстве (И.-Ф. Чока, К.-Х. Игла, И.-Х. и Г.-Х. Брикеры, И.-Д. Битнер и др.) [см.: Там же, д. 1253, л. 1—27 об., 34—75]. Некоторые из упомянутых в данной «росписи» иностранцев не приняли новые условия службы и покинули Россию в том же году, однако приведенная цифра позволяет утверждать, что в конце 1747 г. по екатеринбургско-пермскому церковному округу насчитывалось не более 46 лютеранских семейств. В 1748 г. их число сократилось — в документах упоминаются 28 специалистов, перезаключивших контракт на новых условиях, и 13 человек, ожидающих перезаключения контракта [см.: Там же, л. 83—87].

Численность прихожан «Божьего дома» в 1771 г. можно определить на основании «Росписи о находящихся в ведомстве канцелярии иноземцах, кто где находитца при заводах», составленной по требованию пастора Габриеля в декабре 1771 г. Основанием для составления росписи послужила жалоба пастора на непосещение прихожанами богослужений, причем в указе на данную тему подчеркивалась необходимость собрать сведения «от всех команд, где иноземцы эвангелического закона находятца» [Там же, д. 2070, л. 302]. Следовательно, список должен был исключать тех жен и детей иноземцев, которые являлись православными (в конфессионально смешанных браках). В данном документе поименно перечислены 48 человек обоего пола. В Екатеринбургском заводе и в самом городе значатся 16 человек: пробирный мастер Георг Фридрих Крелер с женой Доротеей-Елизаветой, угольный мастер Эрце Ауэрсватер

¹ Многие видные прихожане XVIII в. поименно перечислены в издании «Крест Екатерины...» [см.: Крест Екатерины ... , 153—155].

с женой Анной-Марией, учитель немецкой школы Андрей Миссет (отмечено, что Миссет был «калвинского исповедания»), его дочь Сусанна («люторского исповедания»), унтершихтмейстер Иоганн Рихтер, унтершихтмейстер Кестлер с женой Екатериной Федоровной и сыном Аполлоном, унтершихтмейстер Самуил Витофт, унтершихтмейстер Лаврентий Коблер, маркшейдерский ученик Иоганн Вагнер, бывшего штейгера Георга Вагнера жена Анна Андреевна с дочерьми Анной и Еленой [см.: ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 2070, л. 302 об.]. При Березовском заводе было отмечено 28 человек: обербергмейстер Даниэль Келлер с женой Пелагеей Михайловной, тещей Анной Андреевной и детьми Николаем и Софьей, штейгер Кеглер с женой Христиной и детьми, гитенфервальтер Иоганн Готфрид Витофт с дочерью Доротеей, оберштейгер Иоганн Самуил Кирхнер с сыновьями Гавриилом, «Симонком» и дочерью Елизаветой, жена умершего штейгера Баумана Екатерина Михайловна с сыном Густавом Бауманом и дочерью Мартой, штейгер Даниил Госсе с женой Марфой Ивановной, сын Госсе горный ученик Генрих Госсе с женой, унтерштейгер Гинланд с женой и детьми Готлибом и Катериной, Бернгард Христофор Госсе с женой Анной Матвеевной [см.: Там же, л. 303–303 об.]. Впоследствии к списку было добавлено еще 4 имени — кунстштейгер Готлиб (фамилия неразборчива) с женой Марией-Софьей, некий Готфрид (фамилия неразборчива) и штейгер Иоганн Готфрид Кригер [см.: Там же, л. 303 об.]. Данные этого списка существенно разнятся с цифрами, приводимыми Иоганном Петером Фальком, сделавшим описание Екатеринбургa в 1772 г. Согласно Фальку, «по церковным книгам в 1763 г. было в городе греко-российского исповедания 3267 душ мужеского, 3327 женского пола, 1192 раскольника и до 100 протестантов» [приводится по: Злоказов, Семенов, 60]. Возможно, за 8 лет произошла естественная убыль протестантского населения — со времени правления Елизаветы Петровны приток контрактеров резко сократился, а вступившие в русское подданство бывшие контрактеры были уже престарелыми [см.: Кортина, Наймушин, Черноухов, 96]. Размеры предполагаемой убыли протестантского населения определить невозможно, так как формулировка Фалька («до 100 протестантов») достаточно расплывчата.

С января 1774 г. пастора Габриеля сменил переведенный из Иркутска Иоганн Иммануил Стефенс (Штефенс), окормлявший приход до конца 1783 г. Как уже было отмечено, екатеринбургскому пастору и субректору школ было положено выплачивать годовое жалованье в размере 250 рублей (по указу 1737 г.). Стефенсу, по его личному ходатайству, сенатским указом от 25 января 1777 г. разрешили прибавить к жалованью еще 200 рублей по причине инфляции («в рассуждении дороговизны всех против прежних лет припасов для безбедного ево чужестранца содержания») [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 2766, л. 3 об., 9]. Данная прибавка выплачивалась из тех средств, что полагались горным правлением на содержание ректора школ, должность которого много лет оставалась вакантной, причем Стефенсу было предложено взять на себя его обязанности. Определением 27 апреля 1777 г. было решено «пастору Стефансу жалованье производить из 450 рублевого оклада с тем, чтоб он свою пасторскую и ректорскую над школами должность исправлял» [Там же, л. 4].

Стефенс, как и Зехтинг, в своем пастырском служении не ограничивался екатеринбургским приходом и окормлял лютеран в самых разных городах Урала и Сибири. Об этом свидетельствует прошение пастора, поданное в заводскую канцелярию 20 января 1780 г.: «Для собственной моея надобности канцелярию главного заводов правления покорно прошу об увольнении меня до городов Тобольска, Туринска, Пелыма и Верхотурья на 29 дней и дать мне для проезда подорожную на две подводы» [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 2434, л. 33]. Канцелярия приказала «уволить пастора до городов» и дать подорожную, но потребовала письменного обязательства вернуться в Екатеринбург [см.: Там же, л. 33 об. — 34]. Прочитанный документ позволяет точно определить географию служения Стефенса.

Преемниками Стефенса стали пасторы Фридрих Кристоф Юстус Гёринг (окормлял приход в Екатеринбурге с 1784 г. по 1797 г.) и Мориц Генрих Кох (с 1798 г. по 1806 г.). В их назначении большую роль сыграли не только горные, но и местные губернские власти. Так, 11 июня 1798 г. крупный вельможа, действительный тайный советник и сенатор Михаил Федорович Соймонов, являвшийся главным директором Берг-коллегии по монетной части и горным заводам, лично распорядился об определении в Екатеринбург пастора. Этому предшествовало деловое письмо пермского губернатора, адресованное Соймонову и «представляющее надобность в пасторе, при екатеринбургской заводской школе быть долженствующем» [Там же, д. 2766, л. 1]. Соймонов определил: «как исправлению христианских треб обществу евангелического лютеранского закона, в Перми пребывающему, необходимо, и особого на то пастора, как изъясняет о том господин губернатор, там нет, то и кажется нужным предписать канцелярии главного заводов правления, чтобы оному, находящемуся в заводской школе, предписано было к исправлению обязанности таким порядком, дабы мог он иметь возможность исправлять требы к обществу по званию ево, отъезжая для сего из Екатеринбурга в год не больше двух раз» [Там же].

Мориц Кох был назначен пастором екатеринбургских и пермских лютеран указом Берг-коллегии от 5 августа 1798 г. с уведомлением пермского гражданского губернатора [см.: Там же, л. 12]. В должность Кох вступил 16 октября 1798 г., но какое-то время проживал в Перми; 27 октября пермский приказ общественного призрения официально объявил пастору о его вступлении в должность и «жалованьем удовольствовал» за полмесяца [см.: Там же, л. 5]. В начале ноября прибытие Коха в Екатеринбург еще ожидалось — горное начальство разрешило остаться пастору в Перми «до первого сего года зимнего пути, которой уже начинается, жалованье ж ево здесь считать с 16-го сего октября» [Там же]. Жалованье пасторам выплачивалось из заводских сумм в размерах, определенных уже упомянутыми указами 1737 и 1777 гг. Коху, по указу из Берг-коллегии от 30 ноября 1799 г., была выделена прибавка к окладу в размере 300 рублей (т. е. годовой оклад пастора стал составлять 750 рублей). Кроме того, указ определял к Коху кистера с окладом в 120 рублей [см.: Там же, л. 16]. Размеры денежного довольствия протестантских служителей были очень внушительными, однако документы показывают, что чиновникам проще было декларировать надбавки и льготы иноверным священникам, чем реально их

обеспечить: в течение 1799—1800 гг. Кох неоднократно жаловался на то, что денег ему не выплачивают, почему он не может совершать выезды для богослужений. Существовали проблемы с выдачей пастору дров и свечей. Не был удовлетворен в течение всего этого времени жалованьем и кистер Питер Янцен (Peter Jantzen), приглашенный Кохом из Москвы [см.: ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 2766, л. 18—20, 25—27].

С началом XIX столетия условия отправления лютеранского культа в Екатеринбурге несколько улучшились. С этого времени под кирку был отведен небольшой каменный одноэтажный дом на территории Монетной экспедиции [см.: Корепанов, 2005, 193]. При этом судьба прежнего «Божьего дома» остается неизвестной. Еще в 1799 г., сразу по вступлении пастора Коха в должность, указом Павла I из Берг-коллегии было предписано местному заводскому начальству предоставить пастору казенное жилье, где «в отведенной квартире может он, пастор, отделя об особом покое, иметь и молитвенную комнату» [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 2766, л. 16]. Для таковой квартиры, «в коей бы могла быть и молитвенная комната», специально подыскивали помещение, намереваясь поселить пастора в «казенных порожних покоях». Имелось три варианта размещения пастора: либо в каменном флигеле заводской аптеки (в то время он был занят заводским архивом), либо в деревянном доме главного заводского начальника, либо в доме заводского доктора (по документам все три здания считались «порожними») [см.: Там же, л. 17—17 об., 31]. В данном случае неясно, о чем шла речь: то ли о предоставлении молитвенной комнаты вдобавок к имевшемуся «Божьему дому» (кирке), то ли о том, что прежняя кирка по какой-то причине уже не существовала, и потому вновь приходилось решать проблему культового здания. Как бы то ни было, и в конце 1800 г., вопреки указам, квартира пастору не была дана — Кох был вынужден нанимать ее за свой счет, требуя возмещения понесенных в связи с этим расходов [см.: Там же, л. 28]. Следовательно, не имелось и особой молитвенной комнаты. Условия своего проживания сам Кох описывал в октябре 1800 г. таким образом: «в ныне мною нанимаемой квартире зимою жить нельзя будет, поелику печи негодны, и во многих местах теперь дождь проходит, также и потолки в комнатах все ветхие» [Там же].

Предоставление каменного дома под кирку и пасторскую квартиру, состоявшееся в следующем году, решило данные проблемы. В мае 1801 г. лютеранская заводская церковь на Монетном дворе уже упоминалась как действующая [см.: Там же, л. 40—42]. В это время также действовало лютеранское кладбище, представлявшее собой участок земли размером 80 на 60 саженей, отведенный слева от Шарташской дороги главным межевщиком А. Кичигиным еще в 1772 г. [см.: Корепанов, 2005, 114]. Кладбище плохо сохранилось, поскольку в советское время на его месте был разбит сквер. Сегодня здесь можно обнаружить лишь вросшие в землю надгробные плиты без надписей, некоторые — с высеченными крестами. Нам удалось найти только два фрагмента надгробных плит с немецким текстом. Одна плита относится к 1882 г. (верхняя часть с указанием имени погребенного не сохранилась, имеются лишь даты рождения и смерти — 12 апреля 1830 г. и 22 декабря 1882 г.), другая — к 80-м гг. XVIII в., но текст ее практически не читается.

Исходя из обеспеченности екатеринбургских лютеран культовым помещением и пастором, можно утверждать, что организация их внутриобщинной жизни позволяла транслировать принципы лютеранской культуры в последующих поколениях прихожан. Этому способствовала также активная религиозная позиция некоторых членов прихода, которая выражалась в стремлении расширить свои богословские познания и сохранить в домах атмосферу лютеранского благочестия. Например, И. Гейнш имел в своей квартире «образ Спасителей, писанный на холсте, в черных рамах», который в дальнейшем был передан пастором Зехтингом его сыну как фамильная святыня [см.: ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 691, л. 366]. Обер-комиссар Виллем Бланкентаген, который в мае 1739 г. был назначен поверенным генерал-берг-директора К. Шемберга на Урале, проявлял особый интерес к историко-богословской литературе, являясь частым посетителем библиотеки Зехтинга. Бланкентагена интересовали полемические сочинения протестантских богословов, направленные против католической и православной церквей, в частности книга профессора Йенского университета И. Ф. Буддея «Письмо в защиту лютеранской церкви против клеветы и ревнивого недоброжелательства Стефана Яворского», работа «О наказании еретиков» Л. Мосгейма и др. [см.: Сафронова, 330; Андреев, 2007, 258–259]. В архивных документах зафиксировано стремление немецких специалистов воспитать своих детей в национальных традициях (например, плавильный мастер Иоганн Отте в 1753–1754 гг. выражал обеспокоенность отсутствием в продаже немецких азбук и книг, по которым детей «должно по закону христианскому обучать» [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 1401, л. 22; д. 1430, л. 262–263], годом раньше ту же проблему пришлось решать унтерштейгеру Иоганну Готфриду Бахману и др. [см.: Там же, д. 1377, л. 312–316]). По сведениям немецкого путешественника и ученого-орнитолога О. Финша екатеринбургская лютеранская община «не щадила жертв с 1742 г. на дело богослужения» [Крест Екатерины ... , 65]. Только так могли быть сохранены протестантские ценности среди местного иноземного населения: знаменитый геолог Г. П. Гельмерсен свидетельствовал о том, что в 30-е гг. XIX в. в Екатеринбурге еще проживали потомки саксонских контрактеров, сохранявшие лютеранское вероисповедание [см.: Там же, 63].

Тем не менее большинство прихожан кирки играло пассивную роль во внутриобщинной жизни. В ноябре 1771 г. пастор Габриель жаловался горному начальству на непосещение богослужений, леность членов прихода и оскорбление пасторского чина [см.: ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 2070, л. 300–301 об.]. В результате «главный на заводах командир полковник Бибииков» предписал, «чтоб каждой иноземец, который здрав и за ненастьем худой дороги помешательства иметь не будет, каждое воскресенье, и когда служба в праздничные дни будет совершаться, то б к службе Божией сюда приезжать самому или кого из их фамилии посылать» [Там же, л. 300 об.]. За неявку, со ссылкой на артикул 10 главы 2 Военного Регламента, взимался штраф в размере одного рубля, что свидетельствует о распространении правовых норм относительно православной церковной службы на иноверное богослужение (для лиц, нанятых государством на военную или другую службу). Однако статья Военного Регламента к иноверцам применялась с существенной поправкой. В Регламенте речь шла

о штрафовании офицера за отсутствие на богослужении в размере полтины, которая должна была идти на нужды военных госпиталей [см.: Артикул воинский, 39]. В случае с прихожанами Габриеля штраф оказывался в два раза большим — половина рубля шла на екатеринбургский госпиталь, а другая половина — на нужды кирки [см.: ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 2070, л. 300 об.]. Причем в документах не идет речь о каких-либо других видах наказаний, применявшихся, согласно Воинскому артикулу, для рядовых солдат, что косвенно подтверждает высокий социальный статус основной массы прихожан. В любом случае стремление горных властей быть на страже лютеранского благочестия демонстрирует особый характер отношений екатеринбургских протестантов с органами государственной власти. Внутриобщинная жизнь заводских служителей-лютеран находилась под прямым контролем (и покровительством) горного начальства, а не Юстиц-коллегии лифляндских, эстляндских и финляндских дел. В то же время во внутреннюю жизнь иноверных приходов за пределами горно-заводской зоны, регулируемых Юстиц-коллегией, правительство старалось не вмешиваться. Подобная практика отношений екатеринбургской общины с горными властями тем более удивительна, что во второй половине XVIII в. членами прихода являлись уже не контрактеры, а российские подданные иностранного происхождения. Берг-коллегия не стремилась привести их к православию, по-прежнему оплачивая работу пастора и требуя посещать его службы.

Внутриобщинная жизнь лютеран омрачалась конфликтами не только между пастором и прихожанами, но и между самими служителями культа. Так, Питер Янцен из Москвы, нанятый в 1799 г. пастором Кохом на кистерскую должность, в 1801 г. был уволен от должности «по причине его непослушания и грубости» [Там же, д. 2766, л. 40]. После отставки Янцена в июне 1801 г. временно исполняющим кистерскую должность был назначен местный портной Федор Андреев сын Муссо, который стал постоянным кистером уже в ноябре. В контракте указывалось, что Муссо должен был «во время служения в церкви быть у пастора в должном послушании и никаких оскорблений и грубостей не делать» [Там же, л. 48], что, по-видимому, относилось к его предшественнику. При этом важно то, что все изменения в составе клира контролировались Берг-коллегией — в документах нет ни одного упоминания о Юстиц-коллегии лифляндских и прочих дел или о другой инстанции как органе контроля над общиной.

Пользуясь поддержкой со стороны горных властей, лютеране Екатеринбурга не только сумели сохранить свое вероисповедание, но и получили возможность оказывать влияние на развитие уральского социума и его культуры. Протестанты сыграли важную роль в процессе становления гуманитарного и профессионально-технического образования в регионе, обеспечивая функционирование латинской и немецкой школ Екатеринбурга. В латинской школе учебный процесс осуществлялся при помощи пастора Зехтинга, причем среди учеников преобладали дети православного духовенства. В немецкой школе русские дети обучались под руководством учителей-лютеран Розе и Гейнша, кальвиниста А. И. Миссета, пасторов Зехтинга и Стефенса [см.: Андреев, 2008, 70—78]. В обеих школах протестантские книги составляли значитель-

ную часть учебной литературы — православные ученики занимались по ним наряду с иноверцами. Некоторые из русских учеников проявляли повышенный интерес к лютеранскому катехизису и Новому Завету. Так, например, А. Кичигин, В. Бурцев, М. Калачев и другие долгое время не желали расстаться с упомянутыми книгами, взятыми в казенной библиотеке [см.: Андреев, 2008, 70—78; ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 2321, л. 172—173, 205]. Учитель екатеринбургской знаменованной школы Аврамов, являвшийся читателем пастора Зехтинга, долгое время держал на руках «Нюрнбергскую немецкую личную Библию», т. е. лютеранский иллюстрированный текст Священного Писания. Аврамов применял данную книгу в учебном процессе и, возможно, использовал ее образы при создании росписей екатеринбургской церкви св. Анны и сысертской заводской церкви [см.: Сафронова, 313]. Кроме того, он активно пользовался «Краузовой Исторической Библией с картинами», имевшейся в библиотеке [см.: ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 691, л. 407].

Педагогическая деятельность протестантов имела большое значение в развитии межконфессиональных отношений на Урале. Работа латинской и немецкой школ демонстрирует бесконфликтное взаимодействие членов протестантской общины, пасторов и русских жителей в образовательном процессе [см.: Андреев, 2008]. Не в последнюю очередь отсутствие конфликтов на конфессиональной почве обуславливалось стремлением горных властей использовать педагогический опыт протестантов для подготовки грамотных специалистов. Обучение русских детей у пасторов было легитимным и горными чиновниками даже признавалось желательным. При этом вне должностной субординации отношение русского населения к иноверцам могло иметь оттенок презрительности и соперничества, что отражает местный фольклор и созданная на его основе художественная литература [см.: Бажов, 10—14]. Однако в целом взаимоотношения екатеринбургских протестантов и православных выстраивались по принципам толерантности и взаимного признания. Нам удалось обнаружить лишь одно упоминание о конфликте, побудительным мотивом которого являлись вероисповедные отличия.

На Святой неделе 1737 г. протопоп Екатерининской церкви Иван Федосьев (Флоровский) явился с образами в дом екатеринбургского секретаря Кузнецова, где повстречал лютеранина Бернгарда Штермера, ректора школ. Между Штермером и Флоровским произошел спор, в ходе которого протопоп воскликнул: «Ты бусурманин и блядин?» Ректор на это ответил: «Не подобает пьяному с иконами на улице ходить». Протопоп же раздраженно спросил: «Которое-де лучше: пьяницей быть или блудником?» Согласно делу Преображенского приказа, Штермер ответил сентенцией: «Пьянство более грех для того, что от пьянства многие злодеяния происходят, и надлежало тебе быть зеркалом народу, а ты хуже скота. Смотри, Богородица пред тобою стоит, а ты скверные и непристойные слова говоришь». Тут разъяренный протопоп произнес: «Что мне Богородица, я с нею трижды сквернодеяние учиню (и выговорил прямо народным речением)» [цит. по: Смилянская, 163—164]. Именно богохульство Флоровского, а не «сочувствие протопопа к гонимым раскольникам» [Манькова, 47] стало причиной суда над ним и казни, состоявшейся 21 сентября 1738 г.

Вероятно, спор Флоровского и Штермера был спровоцирован самим ректором. Штермер запомнился современникам как человек неуравновешенный, который «только и делал, что беспричинно скандалил, напивался и гонялся с тростью за чужими дворовыми людьми» [Корепанов, 2005, 43]. Раздоры на конфессиональной почве у Штермера происходили и с другими горожанами, а потому случай с протопопом Флоровским можно считать исключительным в практике православно-лютеранских взаимоотношений. Ректор неоднократно обзывал учителя немецкой школы А. Миссета «еретиком», а в одну из ссор напугал жену Миссета обнаженной шпагой, спровоцировав выкидыш [см.: Там же]. Миссет был кальвинистом, хотя в силу обстоятельств и являлся прихожанином лютеранского молельного дома [см.: ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 2070, л. 302 об.], что вызывало раздражение Штермера.

Многие представители протестантской общины Екатеринбурга благодаря безупречной службе и самоотверженному труду пользовались уважением среди горожан. Например, всеобщее теплое и почтительное отношение снискал штаб-лекарь Иван Шнезе, которого по-русски именовали просто Христофорычем, а учитель Андрей Миссет вообще был «духовным символом раннего Екатеринбурга» [см.: Корепанов, 2005, 123, 130–131]. Авторитетом екатеринбуржцев и в целом жителей Урала пользовался пастор Зехтинг, проводивший просветительскую работу на посту заведующего екатеринбургской библиотекой.

Значительный вклад протестантов в развитие различных форм социальной жизни региона во многом был связан с этическими императивами протестантизма, с тем «строго осмысленным отношением к общественно-полезной деятельности» [Алакшин, 329], которое свойственно данному направлению в христианстве. Социальная активность лютеран стала фактором влияния протестантской культуры на местное население — влияния, которое не было догматическим или прямым конфессиональным. Влияние это имело опосредованный характер и проявилось, главным образом, в приобщении местного населения к некоторым нормам западноевропейской жизни (бытовым, экономическим, социальным). Лютеране Екатеринбурга не преследовали прозелитические цели, однако в своей повседневной деятельности не могли не транслировать протестантское понимание жизни, религии и социальных отношений. Нормы протестантской культуры в целом соответствовали характеру российской модернизации, поэтому их усвоение в политике, экономике, образовании, науке становилось актуальным и закономерным. Благодаря межконфессиональным связям в Уральском регионе постепенно преодолевались принципы ксенофобии и религиозного изоляционизма, свойственные культуре Древней Руси.

Практически все XVIII столетие было временем становления лютеранской общины в Екатеринбурге, причем ключевую роль в этом процессе сыграли горные власти. Екатеринбургский приход имел ряд принципиальных особенностей в системе управления и жизнеобеспечения: Берг-коллегия и Главное заводское правление решали вопросы найма и оплаты труда священников, осуществляли вероисповедный контроль над евангелической паствой (наравне с православным заводским населением). В России XVIII в. (за пределами

горно-заводской зоны) эти вопросы, как правило, решались церковным собранием прихода, а общий надзор за религиозной жизнью общин возлагался на Юстиц-коллегию лифляндских, эстляндских и финляндских дел. Очевидно, следует вести речь о «встроенности» екатеринбургского лютеранского прихода в общую систему управления горно-заводской промышленностью. Следовательно, распространенный в науке тезис о том, что «юридическая сила Юстиц-коллегии распространялась на представителей лютеранской конфессии по всей империи» [Князева, 49], следует признать верным лишь отчасти.

Алакшин А. Э. Протестантские общины в Петербурге в XVIII веке. Челябинск, 2006.

Андреев А. Н. Католицизм и общество в России XVIII в. Челябинск, 2007.

Андреев А. Н. Образовательная деятельность протестантов в латинской и немецкой школах Екатеринбурга в XVIII в. // Традиции и новации в отечественной духовной культуре : сб. материалов межвуз. науч.-практ. конф. Челябинск, 2008.

Артикул воинский // Русская военная мысль. XVIII век. М. ; СПб., 2003.

Бажов П. Уральские сказы о немцах. Челябинск, 1944.

Геншин В. Описание Уральских и Сибирских заводов. 1735. М., 1937.

ГАСО. Ф. 24. Оп. 1.

Грот Я. К. О пребывании пленных шведов в России при Петре Великом // Труды Я. К. Грота. Из русской истории : исследования, очерки, критические заметки и материалы (1845—1890). СПб., 1901.

Екатеринбург : энциклопедия. Екатеринбург, 2002.

Зиннер Э. П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVIII века. Иркутск, 1968.

Злоказов Л. Д., Семенов В. Б. Старый Екатеринбург : город глазами очевидцев. Екатеринбург, 2000.

Князева Е. Е. Метрические книги Санкт-Петербургского консисториального округа как источник по истории лютеранского населения Российской империи XVIII — начала XX в. : дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2004.

Корепанов Н. С. Благодатская горная экспедиция 1739—1742 гг. и волна контрактной иммиграции саксонцев на Урал // Немцы на Урале и в Сибири (XVI—XX вв.). Екатеринбург, 2001.

Корепанов Н. С. Первый век Екатеринбурга. Екатеринбург, 2005.

Кортин С. Б., Наймушин А. В., Черноухов А. В. Немецкие специалисты на Урале в XVIII веке // Документ. Архив. История. Современность : сб. науч. тр. Екатеринбург, 2003. Вып. 3.

Крест Екатерины. Страницы истории лютеранства. Город Екатеринбург: личности, документы, фотографии / ред.-сост. С. Ф. Глушков. Екатеринбург, 2000.

Манькова И. Л. Храм в сердце и памяти (очерки истории екатеринбургского Екатерининского собора). Екатеринбург, 2000.

Россия и Запад : горизонты взаимопознания. Литературные источники XVIII века (1726—1762). М., 2003. Вып. 2.

Сафронова А. М. Использование книг В. Н. Татищева и казенной библиотеки Екатеринбурга в 30-е гг. XVIII в. // Документ. Архив. История. Современность : сб. науч. тр. Екатеринбург, 2001. Вып. 1.

Смилянская Е. Б. Суеверия и народное религиозное вольнодумство в России XVIII в. : дис. ... д-ра ист. наук. М., 2004.

Busch E. H. Materialien zur Geschichte und Statistik des Kirchen und Schulwesens der evangelische-lutherischen Gemeinden in Russland. SPb., 1862.

Die evangelische-lutherischen Gemeinden in Russland: eine historisch-statistische Darstellung. SPb., 1909. Bd. 1.

Hupel A. W. Die kirchliche Statistik von Rußland nebst andern kürzern Aufsätzen. Riga, 1786.

Статья поступила в редакцию 4.06.2009 г.